

## Глава 27. Раскрашивание (9)

Диван в приёмной был слишком мягким.

Казалось, тело засасывает в него.

Сколько я так просидел?

Чувство времени было размытым.

Казалось, время в этом особняке текло с другой скоростью, чем снаружи.

Потому что каждый раз, когда я оглядывался, воспоминания «Лавина» показывали мне сцены, происходившие в этом доме.

Не самый приятный опыт.

Вскоре наступило время ужина.

За мной пришла Левина.

Стук её каблучков по коридору был, как всегда, мерным.

Она ничего не говорила.

Я тоже молчал.

Мы шли по длинному коридору.

Казалось, портреты на стенах смотрели на нас сверху вниз.

У всех были такие же бесстрастные лица, как у Левины.

Столовая была огромной.

Очень высокие потолки, в центре — длинный стол.

Стульев было больше десяти, но людей — всего трое.

В самом дальнем конце стола, во главе, сидел один мужчина.

Отец Левины, глава семьи Эдельгард.

То самое лицо, которое я видел лишь в воспоминаниях «Лавина».

Он был старше и худее, чем в воспоминаниях.

Словно от человека осталась лишь тень.

Он даже не поднял головы, когда мы вошли.

— Садись.

Сказал он.

Голос был надтреснутым.

— Ты тоже садись, Левина.

Сказал отец.

Левина на мгновение засомневалась, но затем тихо села.

Она, видимо, собиралась лишь проводить меня и уйти, поэтому выглядела немного растерянной.

На её идеально вылепленном лице появилась крошечная трещинка.

Начался ужин.

Слуги разносили блюда на серебряных подносах.

Лязг.

Лишь звук ножей и вилок, ударяющихся о тарелки, разносился по огромной столовой.

Я резал стейк.

Из него сочился красный сок.

Никто не говорил.

Просто ели.

И тут наш блистательный глава семьи кашлянул и произнёс:

— Твоя мать... такого не любила.

Внезапно сказал отец.

Он взял кусок хлеба и макал его в суп.

Его руки мелко дрожали.

— Всегда ела только жидкий суп с хлебом и салат.

Говорила, что стейки с дорогими специями и всякими соусами — не в её вкусе.

Другие аристократы за спиной посмеивались, называли её деревенщиной.

А мне это нравилось.

Сказав это, он закашлялся.

Кхе, кхе.

Это был сухой кашель, идущий из глубины груди.

Он выглядел как полутруп, который никого не удивит, если умрёт прямо сейчас.

Его иссохшее тело сильно содрогалось при каждом приступе кашля.

Левина, услышав упоминание о матери «Лавина», слегка нахмурилась, но ничего не сказала.

Лишь смотрела в свою тарелку.

Отец посмотрел на такую Левину.

Во взгляде читалась растерянность.

Это был и взгляд любящего отца на свою дочь, и взгляд человека на того, кто отнял у него место.

А может, он просто смотрел на зеркало, отражающее его прошлое.

— Лавин. Будь ты негодяем, влипай в неприятности, распространяй всевозможные слухи — я не считаю это пятном на своей репутации, ведь ты мой ребёнок.

Хотя не знаю, что думают об этом окружающие.

Он мельком взглянул на Левину и продолжил:

— Но я не хотел, чтобы ты был сыном.

Нож скрежетнул по тарелке.

— Потому что моя жена думала, что ты можешь занять место Левины.

Хоть он и был одет в опрятную и строгую одежду, было видно, насколько он иссох — запястья казались тонкими, как палочки.

— В детстве ты ведь был довольно умён.

Быстро научился читать, показывал талант в фехтовании.

Возможно, её тревога была не совсем беспочвенной.

Я хоть и не убил своего брата, но изгнал его.

Кто знает, куда потекла эта кровь.

Сказав это, отец посмотрел на Левину, но она, встретившись с ним взглядом, никак не отреагировала.

Тогда он выдохнул и снова продолжил:

— Поэтому, когда твоя мать умерла.

Он снова закашлялся.

На этот раз дольше и сильнее.

Его худые плечи мелко дрожали.

— Хоть и было очень горько, я почему-то почувствовал облегчение.

Её ненавидели так много людей, что казалось, жить ей было мучительнее.

А я ничем не мог помочь.

Он говорил так спокойно, словно о погоде.

Словно умерла не его возлюбленная, а старая соседская собака.

— Школу... собираешься заканчивать?

Спросил он.

Я поднял голову и впервые как следует рассмотрел его лицо.

Впалые глаза, бескровные губы.

Его глаза смотрели не на меня.

Казалось, они смотрели куда-то за меня, в пустоту.

— Да.

— Я бы хотел, чтобы ты бросил.

Тихо сказал он.

— Чем больше знаешь и чем больше имеешь, тем больше думаешь о потерянном.

Жить глупцом — не так уж и плохо.

Может, так даже счастливее.

На его губах появилась слабая улыбка.

Самоуничижительная, но в то же время какая-то облегчённая.

— Никому нет дела до старого, умирающего полутрупа.

Он кивком указал на Левину.

— Лавин. Отныне ты просто Лавин.

Так решила Левина, и так решила моя жена.

Он, шатаясь, встал.

Стул с громким скрежетом отодвинулся.

Дворецкий поспешно подбежал и поддержал его.

Он вышел из столовой.

Ни разу не обернувшись.

В огромной столовой остались только я и Левина.

Мы долго молчали.

— Слышал?

Первой заговорила Левина.

Её голос был таким же, как обычно.

Но если прислушаться, он очень мелко дрожал.

— Услышал, и что ты хочешь, чтобы я сказал?

— Бросай эту дурь с академией.

Отец ведь не сказал ничего неправильного, так?

— Что тебе, чёрт возьми, от меня нужно?

— Ничего.

— ...

— Буквально, я хочу, чтобы ты ничего не делал.

Я выделю тебе флигель, живи там.

Я обеспечу тебя всем, что ты любишь — от алкоголя и сигарет до всевозможных развлечений.

А, но если приведёшь каких-нибудь низкопробных гопников или шлюх, то выгоню, так и знай.

— Левина.

— Или, когда отец скоро умрёт, я смогу выделить тебе комнату в главном корпусе, что бы ни говорила мать.

Могу позволить тебе остаться в качестве гостя.

Ты ведь умеешь читать и получил минимальное образование, так что можешь остаться в семье и...

Я, сам того не осознавая, взял стоявшую рядом стеклянную салатницу.

Холодное прикосновение стекла было отчётливым.

И, сжав её, я швырнул.

Дзынь!

Стеклянная чаша, описав дугу, точно угодила Левине в голову.

Со звуком лопающегося стекла осколки и куски овощей разлетелись во все стороны.

С её головы потекла красная кровь.

Смешавшись с заправкой, она липкой струйкой потекла по щеке.

Левина сидела, тупо глядя, словно ничего не произошло.

Даже не думала вытирать кровь.

Лишь смотрела на меня.

Она, по её мнению, продолжала делать мне милостивые предложения.

— Можешь остаться так и помогать с работой.

Всё равно в этом огромном особняке живёт не так уж много людей.

Даже если столкнёшься с матерью, ну, как-нибудь...

— Левина, заткнись уже.

Левина замолчала.

Она, слегка переведя дух, кое-как вытерла кровь, текущую с головы, посмотрела на окровавленную руку и тихо продолжила:

— А что я могла сделать?

Прошептала Левина.

Она встала.

И медленно подошла ко мне.

— До каких пор ты будешь называть меня так, Левина, мадам?

Я твоя сестра. Твоя сестра, говорю.

Эстель, эта сумасшедшая святая, — не твоя сестра, а я.

Голос был влажным и тяжёлым, как пропитанная водой вата.

— Ты хоть знаешь, что эта сумасшедшая видит в тебе своего умершего в детстве брата?

— Мне всё равно.

На эти слова Левина горько усмехнулась.

Она встала передо мной и схватила меня за грудки.

— А что я могла сделать?

Если бы твоя мать не была такой жалкой, ничтожной шлюхой.

Да. Если бы ты... если бы ты не был полукровкой-бастардом.

До такого бы не дошло.

Её голос постепенно становился громче.

— Если бы отец. Если бы отец не заботился о тебе.

Если бы он просто относился к тебе не как к сыну, а как к прислуге.

Если бы моя мать не ненавидела тебя так сильно.

Всё, всё было бы не так!

Я встал.

Я не хотел, чтобы Левина смотрела на меня сверху вниз.

Стул с громким скрежетом отодвинулся.

— И что. И что ты сделала?

Пока жена Эдельгарда в качестве наказания запирала меня в шкафу, а слуги какое-то время вместо еды давали испорченные остатки в собачьей миске, а на светских приёмах я был посмешищем для твоих дружков, ты молчала.

И когда я, чтобы добыть еды, спускался в город и отбирал её или, не заходя в главный корпус, жил на улице, верховодя шайкой гопников, до тебя доходили слухи только о том, какой я идиот-негодяй.

А Серафине ты говорила, что это я сбился с пути, что я странный, что я... я, блять, был так виноват?!

— Ты должен был терпеть! Потому что ты сын этой проклятой шлюхи!

Даже семья Велуз была для тебя слишком хороша!

Хотя бы не занимался бы бандитизмом на улице, этот ничтожный...!

Шлёп!

Я ударил её по щеке.

Мне было всё равно, потечёт у неё кровь или нет.

— Ах, какая прелесть. Наверное, здорово иметь матерью идиотку, которая, родившись знатной аристократкой, умудрилась уступить сердце своего мужа простолюдинке?

Левина, даже будучи схваченной и получив пощёчину, продолжала говорить.

— Я защищала тебя.

Когда мать хотела тебя убить, я её остановила.

Я сказала, чтобы она оставила тебя в покое.

Что старейшины всё равно никогда не выберут такого негодяя!

Ты ведь даже не знаешь.

От этих слов рука, занесённая для удара, замерла.

Тело почему-то обмякло.

— Лучше бы дала ей меня убить.

— ...

Она потеряла дар речи.

Лишь губы её мелко дрожали.

— Ты... ты всегда был таким.

Всегда, всегда всё портил.

Что бы я ни пыталась сделать для тебя, ты всё отталкивал.

Сколько раз я говорила тебе вести себя сдержанно, сколько раз говорила не устраивать скандалов, но ты пропускал всё мимо ушей и, будучи бастардом, прикрывался именем Эдельгардов и занимался бандитизмом! И в академии постоянно творил какую-то идиотскую дичь, втоптав честь семьи в грязь!

Из её глаз потекли слёзы.

Кровь и слёзы смешались и потекли по щекам.

— И что я ещё могла там сделать?

Я была ребёнком, я не могла сделать из вполне ещё здорового отца задворного старика, и уж точно не могла противостоять влиянию матери!?

С каких пор такая страшная Левина стала выглядеть такой жалкой?

Какого чёрта я лебезил перед таким человеком и хотел, чтобы она снова обратила на меня внимание?

Думал, что, как в романе, стоит негодяю исправиться и начать жить хорошо, как взгляды окружающих изменятся, и они тут же меня переоценят?

— Просто слушайся меня.

Просто слушайся меня, и всё будет хорошо.

Просто это, и я смогу сделать для тебя всё, что угодно.

Чего бы ты ни захотел, я всё могу сделать.

— Сумасшедшая.

Я оттолкнул её руку.

И отвернулся.

Оставив позади что-то бормочущую Левину, я вышел из столовой.

Игнорируя переполошившихся слуг и дворецкого, пытавшегося меня остановить, я пошёл по

коридору к главному входу в особняк.

Сел в подготовленную карету.

Сказал ехать обратно в академию.

Кучер хотел было возразить, но, встретившись со мной взглядом, тронул карету.

В трясущейся карете я смотрел в окно.

Перед глазами проносились места, о которых говорила Серафина.

Мне не очень хотелось их видеть.

Я хотел вернуться прямо сейчас.

<http://erolate.org/book/1526/189207>